

Л30 $\frac{В-4}{14}$

Селид Власовъ
сн. 1911

ПЕТРЪ ЕВДОШЕНКО.

Л30 $\frac{В-4}{14}$

Брызги

 каскадная.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

→ Летна 75 коп.

1917 г.

ПИРЯТИНЪ
ТИП СЕЛЕЦКАГО И ЛЮБИНСКАГО.

ГИМНЪ СВОБОДЪ.

Экстазомъ нѣжнымъ пылають взоры.
Сердца созвучны, и ясны души...
Гремите бубны! Звучите хоры!
Ликуйте горы, моря и суши!
Мы были слѣпы.—Но мы прозрѣли.
Мы были нѣмы.—Но вотъ поемъ мы.
И вотъ мы мчимся къ завѣтной цѣли
Черезъ степи, боры и водоемы.
О, сладость свѣта! О, счастье нови!
Зарѣ лелѣйной хвала и слава!
Клянемся клятвой невинной крови!
Въ грядущемъ—радость. Въ быломъ—отрава.
Писатель, пахарь, солдатъ, рабочій,
Дружнѣй, смѣлѣе, живѣй, бодрѣе!
Пусть мысль острѣе и зорче очи—
Надъ вами ангель свободы рѣетъ.
Планеты, рѣки, цвѣты и кручи
И каждый атомъ во всей природѣ—
Все въ мірѣ, слейся въ одномъ созвучьи!
Хвала свободѣ! Хвала свободѣ!

1917 г., 17 апрѣля.

СИРЕНЬ ЦВѢТЕТЬ.

Сирень цвѣтеть. Цвѣтеть—поеть сирень.
 Въ саду цвѣтеть сирень, благоухая.
 Какъ чудень міръ. Какъ нѣжно—ясень день.
 Цвѣтеть сирень лилово—голубая.
 Сирень, чаруй. Душа уже пьяна.
 Но пусть еще. Но все во славу мая.
 Такъ повелѣла властная весна.
 Цвѣти, сирень лилово-голубая.
 Сирень, мнѣ сладокъ твой нектарный плѣнь...
 Я знаю: ты—зеленыхъ маевъ жрица.
 Да будетъ твой фимьямъ благословень.
 Искрись, мечта! Дышите счастьемъ, лица,
 Пока въ саду цвѣтеть—поеть сирень!

1917 г., 15 мая.

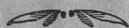
ВЪ ЗОЛОТИСТЫЙ ДЕНЬ.

Я жалую гебя короною изъ листьевъ
 Багряно-алыхъ, палево—лимонныхъ.
 Въ осенній день на золотистыхъ кистяхъ
 Твой ликъ я закачаю тихотонно.

Твои глаза пусть смотрять змѣепла-
 менно.

Они увидятъ. И они откроютъ.
 А я... Я отвергаю путь свой каменный,
 Скрестившійся съ твоей глухой тропою.

1916 года. 26 августа.

НЕПОСТИЖИМАЯ.

Твоя душа зигзагами излучена
 И разбахромлена узорами расцвѣченно.
 Но могутъ ли чьи взоры быть пріучены
 Ловить, что видимой чертою не отмѣчено!
 Ты вся—изломъ, уклонъ и вѣтросплетенность;
 Твои мечты—сентябрьскія цвѣтенія;
 Твои желанія—причудная расцѣпленность
 Возможностей, надеждъ и устремленія.
 Быть можетъ, ты—самъ хаосъ слѣпо—мерт-
 венный;
 Быть можетъ, ты—краса непостижимая.
 Но я тебѣ, какъ въ жаркій огонь жертвенный,
 Бросаю гордое, святое и любимое.

1917 года. 27 августа.

ЛЕПЕСТКИ.

Ты не знаешь сама, какъ ко мнѣ ты близка.
 Ты со мной. Ты во мнѣ. Но не знаешь сама.
 Ахъ, вѣдь наши сердца—это два лепестка
 Одного же цвѣтка... Ты не знаешь сама.
 Ты не любишь? Но что же твоя нелюбовь,
 Когда духъ твой вотъ здѣсь... У меня на
 струнахъ...
 вмѣстѣ съ сердцемъ моимъ. Прогони—при-
 деть вновь
 Пѣть любовь... ты пойми.—у меня жъ на
 струнахъ!
 Ты не знаешь. Гляди! Наши души—одно.

Одна арфа... И пѣснь. Тихе... Слышишь,
сонеть!
Да иль нѣтъ? Да?... О, все это намъ суж-
дено...
Дорогая моя! Какъ прекрасенъ сонеть...
Мы—цвѣтокъ. Да, цвѣтокъ. Да, да, да, ле-
пестки...
Видишь, видишь теперь! Это было всегда.
Какъ вода, мы—одно... И близки. Да, близки...
Это было всегда. Это будетъ всегда.

1917 года. 4 февраля.

С О Н Е Т Ъ

В. П.

Моя любовь родилася въ іюлѣ,
Но пеленаль ее холодный снѣгъ.
Призывы солнца къ сонму свѣтлыхъ нѣгъ,
Цвѣты и небо сердце обманули.
Моя любовь—печальная монашка,
Идущая полями въ тихій скитъ,
Гдѣ все душѣ иначе говоритъ—
И свѣтъ небесъ, и травы, и букашки.
Въ напрасности слѣпой жизнь жутко стынетъ
Подъ траурный трезвонъ тревожныхъ думъ.
И кажется, что я одинъ въ пустынѣ,
И вотъ летитъ губительный самумъ...
Скорбна любовь... Пришли вы—и отнынѣ
Мой пугъ тревоженъ, горекъ и угрюмъ.

1916 года. 3 декабря.

ТЕБЯ—ТЕБѢ.

Я омою тебя слезами кристальными...
Я наряжу тебя въ порфиры мечтаній.
Я обовью тебя пѣснями хрустальными,
Пѣснями журчащихъ ожиданій.
Я вознесу тебя на крыльяхъ славословіи
Въ чертогъ благоухающій, весенній.
Я дамъ тебѣ букетъ гвоздично-васильковый
Въ гирляндахъ легкокрылыхъ пѣснопѣній.
Я засвѣчу тебѣ звѣзду сіяльно-небывалую
Съ лучами жаркими, молніесвѣтными,
Я освѣщу тропу твою усталую
Зарницами торжественно-побѣдными.
Я сотворю тебѣ священный гимнъ крылатый,
Такой ласкающій, звенящій вѣчно.
Я устелю твой путь фіалками и мятой
И подниму въ надзвѣздье бесконечно.

1915 года. Февраль

Х Р А М Ъ.

Ты—мой храмъ торжественный и чистый.
Въ немъ витаетъ свѣтлый херувимъ,
Въ немъ курится ладанъ серебристый;
Ризы звѣздныя раскинуты надъ нимъ.
И звучитъ псаломъ вселенскій тамъ...
Ты—мой храмъ.

Я стою на паперти преддверной
И не смѣю перейти порогъ,
Словно нищій въ немощи безмѣрной,
Онѣмѣвшій въ преклоненьи ногъ.

Я не смѣю подойти поближе
Къ храму, гдѣ мой Богъ.

Я лишь смутно слышу пѣснопѣнье,
Переливность вѣщихъ голосовъ,
Но не знаю горняго служенья,
Не пойму значенья мудрыхъ словъ.

Я внимаю трепетно моленью,
Но не вижу даже образовъ.

О, моя высокая святыня!
О, кому молиться буду я?!
Вѣдь вокругъ меня одна пустыня,
Вѣдь лишь сладкій сонъ любовь твоя.
Ты—моя единая святыня.
Ты—мой вѣчный храмъ,
Судьба моя.

1915 г., мартъ.

ЦЕРКОВЬ НА ОКРАИНѢ.

Маленькая церковка на глухой окраинѣ.
Древняя и ветхая—чуть ли не шатается.
Почему такъ благостна ты и такъ свѣтла нынѣ
Будто гордо—пышная въ тебѣ чета вѣнчается?
Смотришь ты такъ благостно, смотришь
всепрощающе;

И какъ будто все вокругъ окуриваешь ладаномъ.
И какъ будто слышится голосъ, призывающій
Куда—то, гдѣ все ясно такъ, просто и
разгадано.

И кому—то вздумалось построить тебя,
страдную,—
Грѣшному маіору—ли или вдовой барынѣ?.;
Ты такъ кротко—благостна въ пору листо-
падную,
Маленькая церковка на глухой окраинѣ.

1916 г., 27 августа.

ПОЧЕМУ—СКАЖИ!

Шевелятся травы мягко и стыдливо.
Въ голубомъ безбрежьи таютъ облака...
Почему такъ мрачно, больно и тоскливо?
Смутная тревога. Черная тоска.

Красочно сплелися пышности узора,
Гдѣ цвѣтовъ нарядныхъ море зацвѣло.
Но не зачаруютъ мертвеннаго взора—
На душѣ пустынно, грустно, тяжело.

Разскажи, крылатый вѣтерокъ шумящій,
Разгадай нѣмую муку ты мою:
Почему унылый, почему шемащій
Глубиною сердца я мотивъ пою.

Всполошились птицы съ звонкимъ ще-
бетаньемъ,
Разорвавъ межъ листьевъ сѣти—кружева.

Показались трели жалобой, рыданьем,
 Послышались ложно скорбныя слова.
 Въ небесахъ сурово, въ полѣ одиноко.
 Жутко и угрюмо въ океанѣ ржи.
 Почему же это? Не скрывай жестоко.
 Почему томленье? Милая, скажи.

Почему цвѣты мнѣ, милая, не пахнутъ,
 И не слышенъ струнный лепетъ ручейка?
 Почему порывы угасаютъ, чахнутъ?
 Почему тревога, почему тоска?

Кто уйметъ мнѣ слезы ласково и нѣжно
 И прикажетъ властно: „сердце, не тужи!“?
 Не внимай холодно. Не внимай небрежно.
 Милая, повѣдай. Милая, скажи!

1914, г. 14 іюля.

БЕЗЪ ТЕБЯ.

Я одинъ безъ тебя. Ты вдали отъ меня.
 Ты стоишь на чужомъ берегу.
 Я хочу тебѣ много, такъ много сказать.
 Но сказать ничего не могу.
 Сиротливо кругомъ. Шопотъ грусти кругомъ.
 Въ душу вкралась тоска жестоко.
 Кто расскажетъ тебѣ о страданьи моемъ?
 Кто посмотритъ въ сердца глубоко?
 Много чувствъ у меня. Много словъ для тебя
 Породили любовь и печаль.

Сердце хочетъ сказать. Но тебя близко нѣтъ.
 Ты ушла въ безглагольную даль.
 Не бѣги отъ меня. Подойди же ко мнѣ.
 Слушай сердца трепещущій звукъ.
 Мое сердце болитъ. Мое сердце въ огнѣ.
 Много пѣсень, печали и мукъ.

1914 г., 22 іюля.

ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

Прозрачность чуткая вечерняя.
 Несмѣлый запахъ. Тишина.
 Мечта стокрылая, безмѣрная.
 И будто звонъ. И ткани сна.
 Улыбка кроткой всепрощальности
 Лучится въ этотъ свѣтлый часъ.
 А въ сплавахъ зыбчатой хрустальности
 Блестить — горить иконостасъ.
 Во имя вышней музыкальности
 Вечерній часъ простить и насъ.

1915 года мая.

ВОЛШЕБНОЙ СИЛОЙ ВДОХНОВЕНЬЯ.

Волшебной силой вдохновенья
 Въ вино я претворяю воду,
 Перехожу моря безъ броду;
 Я размыкаю горя звенья
 Волшебной силой вдохновенья.
 Я знаю магію забвенья,
 Творю міры, даю свободу
 Уставшимъ подъ ярмомъ мученья.
 И знаю свѣтъ, и знаю тѣнь я..
 Волшебной силой вдохновенья
 Въ вино я претворяю воду.

1916 г., 18 ноября.

ГИМНЪ БЛАГОВѢСТНЫЙ

Ахъ, сердца поющаго трельныя аріи,
 Безсоннаго сердца берсезные рокоты!
 Хвала вамъ! Звените у вратъ предъалтарія,
 Какъ шелестъ жасминовъ, какъ райскіе шопоты.
 Ахъ, въ сердцѣ цвѣтутъ хризантемы и лиліи,
 Струющія въ груди фимьямные ладаны.
 Онѣ—грезосонъ .Къ нимъ пути не разгаданы.
 Но святы, но святы, но святы усилія.
 Сіяльности, лирности, тайнорасцвѣтности,

Махровости спектровъ, іюльно-апрѣльности,
 Экстазности, трансы, захваты, ракетности,
 Порывности, взлеты, круженья, качельности,
 Горите, звените, цвѣтите, вибрируйте,
 Зарницы, пѣвницы, цвѣтенья, дрожанія,
 Въ шальномъ allegretto хмельного алканія.
 Вамъ мѣсто и струны. Пляшите. Вальсируйте.

Ахъ, радость—огнитесь цвѣтными пожарами!
 Въ порывномъ пыланьи—нектаръ всезахватности.

Всѣ ткани, всѣ фибры да будутъ гусярами.
 Да царствуютъ блески, расцвѣты, набатности!

1916 года. 21 декабря.

РОБКІЯ СТРОКИ

Рѣветъ трепетно нить пушистая.
 Ангель осени дышитъ царственно...
 Я молюсь тебѣ, о лучистая.
 Молюсь я тебѣ благодарственно.
 И дрожать—звенять крылья бѣлыя
 Любвекроткими обѣщаньями;
 А въ душѣ мечты омертвѣлыя
 Ярко сплавились со страданьями.

1914 года, сентябрь.

И Н Т И М А

Дорогая, желанная, дивная!
 Моя греза, мой богъ... мой палачъ.
 Тебѣ въ душу со скорбью порывною
 Исторгаю мучительный плачь.
 Какъ я мучаюсь! О, если знала бы!
 Какъ зываю! Но что же мой зовъ.
 Вѣдь не могутъ же горькія жалобы
 Пробудить въ твоёмъ сердцѣ любовь.
 Ахъ, люблю тебя, милую, чудную.
 Бери сердце мое. Я твой весь.
 Мнѣ же дай лишь улыбочку скудную,
 Чтобы меньше болѣло вотъ здѣсь.
 Днемъ ли, ночью ль, во снѣ ль, наяву ли
 Только скорбь. Только боль. Только ты.
 Ахъ, зачѣмъ меня такъ обманули
 Всѣ порывы, надежды, мечты.
 Зарыдать... Но безцѣльны рыданія,
 И мой вопль до тебя не дойдетъ.
 Такъ и будетъ: во мнѣ все страданія,
 А въ тебѣ недоступность и ледь.
 Ахъ, увидѣть лицо твое милое,
 Утонуть въ блескѣ зоревыхъ глазъ...
 Отогнуть хоть на мигъ все унылое...
 Дорогая! Хоть разъ. О, хоть разъ!
 Дорогая, святая, желанная!
 Такъ мнѣ больно. Но кто виновать!
 Заря чувствъ моихъ была туманная,—
 Будетъ свѣтеть и нѣженъ закатъ.

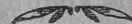
1916 года. 22 декабря.

Ф Е Т И Ш Ъ

О, глазъ волнующіе блески,
 И пряность губъ, и жгучесть линий!
 О, смѣха брызжущіе всплески!
 О, поступь греческой богини!
 Атласо-шелкъ и бархатъ тканей.
 Серегъ, браслетовъ, брошей, колець
 Золотоблескъ. Колдуй и рани—
 Склонится всякъ, какъ рабъ въ неволѣ.
 Въ покровахъ—ложь. Въ глазахъ—откры-
 тость;

И тайный зовъ въ улыбкѣ бальной.
 Въ извивахъ—хищная несытость...
 Ты—духъ алькова. Фея спальни.
 Когда въ бурливые бульвары
 Вонзится зракъ электро-мага,
 И смѣхъ зловѣщаго фигляра
 Взорвется въ каждомъ звукѣ шага,
 Походкой лживой и развратной
 Идешь ко лжи ночного свѣта.
 Куда идешь? Когда обратно?
 Кто ты? Зачѣмъ? Ищи отвѣта.
 И, мнится, это—только фетишь,
 Духъ современья, геній оргій...
 Зачѣмъ зовешь, колдуешь, свѣтишь,
 Царица лжи, богиня торга!

1916 года. 16 ноября.

ГОЛГОѠА

Прильни къ своимъ грезамъ горячимъ.
 Пляши съ ними въ огненной пляскѣ.
 Что правда холодная значить!
 Царите пьянящія маски!
 Пусть правда заплачетъ, заплачетъ.

Въ потиръ собери кровь и слезы.
 Сними ихъ себѣ въ ожерелье.
 Распи забудки и розы
 И самъ захлебнися въ безцѣльи.
 О, дайте дурманное зелье.

Найди на ГолгоѠу ступени.
 Взойди. И засмѣйся беззвучно.
 Призви погребальныя тѣни.
 Распи себя. И своеручно
 Разбей всетерзанно голени!

1916 года. 17 апрѣля.

ВЕСЕННЕЕ ОТРЕЧЕНІЕ

Весна стовзорая, смежи свои рѣсницы
 И не смотри въ мои безсилые глаза.
 Въ моихъ глазахъ еще вѣдь осени—чер-
 ницы
 Дрожить усталая и жалкая слеза.
 Зачѣмъ щедротствуешь? Мнѣ ландышей не
 надо,
 И къ пѣнью соловья я холоденъ и глухъ.
 Во мнѣ еще живы могилы листопада,
 И шорохъ подъ ногой еще хранить мой слухъ,

И эти нѣжные, раскрывшіеся чутко
 Нарциссы бѣлые на стройныхъ стебелькахъ!
 Зачѣмъ напомнили томительно и жутко
 О свѣтлыхъ, какъ они, о давнихъ—дальнихъ
 дняхъ.

Я не пойму, зачѣмъ весна справляетъ свадьбы,
 Когда такъ жизнь мертва. И вся земля—
 погость.

На плитѣ каменной, въ тиши мнѣ все лежать бы,
 Разрушивъ прошлаго и будущаго мость.

1916 года, 21 апрѣля.

ТАКЪ БУДЕТЬ.

Темная могила, глубина бездонная,
 Сумракъ неизвѣданный, холодъ пустоты...
 Все захватить цѣпко сила непреклонная.
 Темная могила! Все захватишь ты.
 Выроютъ могилы людямъ износившимся
 На кладбищѣ дремлющемъ среди сухихъ
 крестовъ;
 Тяжко будетъ близкимъ, Богу помолвившимся,
 Пожелавшимъ мертвому безмятежныхъ сновъ.
 Жарко будутъ литься слезы задушевные
 У родныхъ, собравшихся тихою толпой,
 Когда раздадутся призывы напѣвные:
 „Въ селеніи праведныхъ... душу упокой.“
 ..Гробъ землей покроется... Громкія рыданія...
 Надъ холодной ямою вырастетъ курганъ.
 Отойдутъ въ молитвенномъ вдумчивомъ мол-
 чаніи...

Уравняетъ смерть уже графовъ и крестьянъ.

1914 г.; 19 апрѣля.

ЗАЩИТНИКУ СТРАНЫ.

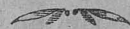
Родимый воинъ съ блѣднымъ ликомъ,
 Скончавшій въ боѣ свои дни!
 Въ селеннѣ свѣтломъ и великомъ,
 Въ покоѣ сладостномъ усни,
 Ты истомился въ вихрѣ битвы,
 Гдѣ рвалась грозная шрапнель.
 Усни жъ, родной. Мы шлемъ молитвы.
 Чиста, свята твоя постель.
 И въ мѣстѣ, гдѣ твоя обитель,
 Соидетъ съ небесъ благой елей.
 И ангель, праведный хранитель,
 Свѣтло простретъ крыло надъ ней.
 И будетъ сонъ кристально-свѣтелъ...
 И будетъ нѣженъ твой покой...
 Чтобъ съ торжествомъ Христа ты встрѣтилъ...
 И сердце каждаго съ тобой.
 И въ грудь земли ты не напрасно
 Пролилъ струю своей крови —
 Тамъ расцвѣтутъ живуче—властно
 Цвѣты нарядные любви.
 И кто-то нѣжный и печальный
 Сорветъ божественный цвѣтокъ
 И вставитъ въ твой вѣнокъ страдальный,
 Въ терновый горькій твой вѣнокъ.
 Покойся жъ, воинъ блѣднолицій,
 На вѣковѣчномъ лонѣ сна.
 За подвигъ тихій, но великій
 Священно чтить тебя страна.

1914 г., октябрь

СЪ ВАМИ БОГЪ!

Сѣрые калики переходже,
 Вѣчные скитальцы, люди Божіи,
 Поснимайте тяжкія котомки,
 Подходите къ свѣтлomu подножію
 Слушать голосъ правды—незнакомки.
 Мыкались по бѣлу свѣту мало-ли?
 Трудную вамъ ношу судьбы задали.
 Будете! Наступилъ и вашъ чередъ.
 Правду въ жены мы себѣ сосватали.
 Горе злу! Благословенъ восходъ!
 Зову жаркому, родимые, внемлите-ли?
 Правды Божьей смѣлые ревнители
 Ждутъ—пождутъ васъ у большихъ дорогъ.
 Суждены Вамъ свѣтлыя обители.
 Поднимайтесь! Дружно! Съ вами Богъ!

1916 года, 8 іюня

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ—
ТОМИТЕЛЬНЫЙ ВОКЗАЛЪ.

Земная жизнь—томительный вокзалъ,
 Въ которомъ столько выходовъ и входовъ,
 Извивовъ, стѣнъ, зигзажныхъ переходовъ,
 Гдѣ каждый мигъ безсчетности приходовъ...
 Гдѣ каждый мигъ кого нибудь забралъ.
 Въ просторахъ залъ мы вѣчно ждемъ и
 ждемъ,
 Что вотъ придутъ желанныя мгновенья,
 И въ плавномъ летѣ мѣрнаго движенья

Узнаемъ мы инья положенья
 И обрѣтемъ иной, прекрасный домъ.
 И каждому здѣсь быть одинъ моментъ,
 И появленье каждаго зачато
 Слѣпымъ вращеньемъ стрѣлокъ циферблата,
 И бѣглыя рожденье и утрата,—
 Какъ змѣйные извивы пестрыхъ лентъ.
 Вотъ суетятся у открытыхъ кассъ.
 Животность минь и злая грубость жеста.
 Здѣсь покушаетъ каждый право мѣста.
 Толпятся, давятъ другъ друга, какъ тѣсто;
 И всякъ лелѣветъ трепетно свой часъ.
 Слѣпой вокзалъ на классы раздѣленъ.
 Три класса есть здѣсь: первый, второй,
 третій.
 И къ каждому различные билеты;
 Различны двери, залы и буфеты;
 И къ каждому свой входъ и свой вагонъ.
 А вотъ оборвышь загнанный и злой.
 Онъ смотритъ робко такъ; онъ—безбилетный.
 Останься лучше здѣсь. О, бѣдный, бѣдный!
 Тебя швырнуть со станціи сосѣдней
 Изъ поѣзда съ жестокостью тупой.
 А вотъ согбенный, дряхленькій старикъ
 Съ печатью тяжкой, горестной печали.
 Что ждетъ тебя, какія манять дали?
 Быть можетъ, тебя изъ дому прогнали,
 И вотъ ты ищешь мѣста, сирь и тихъ.
 А ты, дитя, куда спѣшишь, зачѣмъ?
 Зачѣмъ собрался въ трудный путь такъ рано?
 О, ждуть тебя тяжелые обманы;

И скоро жизнь въ груди откроетъ рану,
 И будешь ты печалень, глухъ и нѣмъ.
 О, родъ людской, куда спѣшишь, куда?
 Гдѣ ты найдешь больному сердцу ласку?!
 Вѣдь въ мірѣ все—химеры, ложь и маски,
 И до влекуще—свѣтлаго Дамаска
 Не добредетъ никто и никогда.
 Земная жизнь—вѣдь это лишь вокзалъ...
 Мы вѣчно ждемъ какого то прихода,
 Но сѣро длятся дни, недѣли, годы,
 А вождельный поѣздъ не приходитъ...
 А „поѣздъ“ безконечно „опоздалъ“.

1916 г., 23 декабря.

ТВОРЮ ЛЮБОВЬЮ.

В. П.

Не любимое творить любовь,
а любовь творить любимое.

Я Васъ люблю. Но Вы не мните ль,
 Что я—рабъ Вашего каприза?
 Что я—Вашъ „пажъ“, а Вы—„маркиза“?
 О нѣтъ! Не Вы, а я властитель.
 Иллюзій сладостныхъ создатель,
 Я Васъ творю дыханьемъ сказки.
 Я—живописецъ, Вы—лишь краски.
 Вы—только глина, я—ваятель.
 Въ моемъ прекрасномъ, нѣжномъ мірѣ
 Вы—нуль, ничто. Вы—мертвый атомъ.
 Я захотѣлъ—на Васъ заплаты.
 Я повелѣлъ—и Вы въ порфирѣ.

Моя любовь сплетаетъ грезы,
Гирляндитъ мысли, вьетъ экстазы
Въ прекрасный образъ дѣвы—розы,
Въ которомъ все—игра алмаза.
И, словно въ вазу нѣжный лотосъ,
Я этотъ образъ въ Васъ влагаю.
Я въ Васъ мечтанья воплощаю,
Даря лицу печать чего—то.
И возношу къ золотому трону
Созданье свѣтлой моей грезы.
И на главу царицы—розы
Кладу священную корону.

1916 года, ноябрь.

О С А Н Н А!

Моя царевна, моя принцесса!
Тебѣ во славу благая месса...
Да ляжетъ прахомъ у ногъ завѣса!
Очамъ открытость и взорамъ дали.
Свобода струнамъ—онѣ молчали.
И кто узнаетъ: все—сонъ, мечта ли!
Въ прошедшемъ вздохомъ и слезъ такъ много...
Но пусть. Мы мчимся. Свѣтла дорога
Къ золотому храму хмельного бога.
Моя богиня, моя царица!
Мечта—какъ море. И колесница—
Какъ вальсы вѣтра, какъ звонъ, какъ птица.
Моя принцесса! Моя богиня!
Назадъ такъ страшно—вѣдь тамъ пустыня.

А даль такъ нѣжна, а даль такъ синя...
Осанна! Слава, тебѣ, богиня!

1917 г., 29 мая.

КОГДА НАРЦИССЫ ПАХЛИ.

А. Р.

Ночь. Сумракъ. Трели. Сонные нарциссы.
Ихъ опьяняющій и страстный ароматъ.
Шептанье листьевъ. Смутные абрисы.
Торжественно—дремотный темный садъ.
Аллея тихая, идущая неясно.
Скамейка давняя у правой стороны.
Все это мнѣ такъ мило и прекрасно,
Какъ юные мечтательные сны.
Ночь дремная. Вокругъ очарованье.
Со мною рядомъ на скамейкѣ ты.
Объятья. Шопотъ. Жгучее лобзанье.
Объятья. Ласки. И цвѣты, цвѣты.
Ты близко такъ. Ты въ сладкомъ упоеньи.
Твоя головка на моемъ плечѣ.
Твое лицо въ чудесномъ озареньи.
Оно блѣдно. Оно въ святомъ лучѣ.
Нарциссовъ запахъ, трели, поцѣлуи
Слились въ одно. Заполнили весь свѣтъ.
Лишь свѣжія плаженныя струи
Разняли насъ. Сѣрбющій разсвѣтъ.
А черезъ часъ мы ѣхали къ вокзалу,
И такъ мучительно, надрывно ныла грудь
Глаза твои смотрѣли такъ устало,
Какъ будто взоръ молилъ о чемъ—нибудь.

И эта ночь и счастливыя ласки—
Воспоминаній радужная тканьь,
Сребристый звонъ лазурно—свѣтлой сказки,
Моей мечтѣ колдующая дань.

1915 г., 27 мая.

УХОЖУ.

Ухожу. Ухожу. За глухую межу
Не добрезжать лучи твоихъ взоровъ.
Сердца нѣтъ. Все тебѣ. Ухожу. Ухожу
Безъ укоровъ:

Навсегда. Навсегда. То, что было тогда,
Не вернется. Прощай Пѣснь допѣта.
Руку дай. Ухожу навсегда, навсегда
Безъ привѣта.

Позабыть. Позабыть. Все въ слезахъ утопить—
И луну, и нарциссы, и глазки..
Закрыть очи. Уснуть. Позабыть. Позабыть
Эту сказку.

1915 г., 10 декабря.

ЗАНАВѢСИ.

...Темно... Зачѣмъ занавѣси спущены?
Вѣдь еще дрожитъ вечерній свѣтъ.
Погоди на мигъ. Такъ все разбужено.
Дай мнѣ спѣть послѣдній свой сонетъ.
Вѣдь сейчасъ сойдетъ слѣпой монахиней
Ночь. И все смѣшаетъ и затретъ.
И душа прославить ночь. Всѣ страхи ей

Обручить и всхлынетъ въ дальній сводъ.
Ты уйдешь. Вспорхнешь мечтой не сущою.
Умолить тебя остаться мнѣ ль?
Занавѣси плотныя опущены.
Тьма нѣма и холодна постель.

1916 года, 30 мая.

МЫ ПРОЩАЛИСЬ.

А. Р.

Мы прощались въ темный день декабрьскій.
Была улица пустынна и тиха.
Все смотрѣло такъ покорно—рабски;
У воротъ пушились бѣлые мѣха.
Взглядъ твой былъ невѣрный лучъ заката.
Голось твой былъ поздній листопадъ.
Говорила ты, что нѣтъ возврата
И гасила мой порывный взглядъ.
Было все не такъ, какъ было прежде,
Когда чародѣйствовалъ апрѣль..
Мои нѣжнозвонныя надежды
Пеленала снѣжная постель.
Какъ прощались! Только рукъ пожатье.
Только вздохъ... О, нѣжная сирень!
О луна! О, клятвы и объятъ!..
Мы прощались въ декабрьскій день.

1915 г., 15 декабря.

ПРИСНИЛОСЬ.

Дмитрію Ильину.

Все прошло и стерлось. Тише Тише.
 Пусть мечта заснетъ и не вздыхаетъ.
 И никто объ этомъ не услышитъ.
 И никто объ этомъ не узнаетъ.
 Будто осенью мнѣ вдругъ приснилось,
 Что въ саду моемъ цвѣтутъ фіалки.
 Всталъ,—а за окномъ туманъ и сырость.
 И такъ грустно и обидно-жалко.

1916 г., 21 июня.

ВОСПОМИНАНІЯ НАПРАСНЫЯ.

Воспоминанья давняго, далекаго!
 Вы—какъ струна, мучительно дрожащая,
 Вы—какъ подсѣжникъ мартовскихъ проталинъ.

Воспоминанья давняго, далекаго.
 Холодна ваша ласка преходящая,
 И зовъ вашъ глухъ, невѣренъ и печалень.
 Мертва ваша безстрастная феерія,
 И такъ робка и такъ жалга ваша игра
 Подъ томный аккомпанементъ раздумья..
 Тускла ваша безстрастная феерія,
 Какъ блескъ старинныхъ односвѣчныхъ бра.
 Не троньте жъ безтревожья и безшумья.

1916 года, 29 ноября.

ЛИКИ МИМОЛЕТНЫЕ.

Тихо. Тихо. Лишь часы стучать
 Монотонно, скучно, безучастно.
 Предо мной тоскливо и безстрастно
 Прошлаго страницы шелестятъ.
 Образы мерцаютъ, выются, гаснутъ,
 Укоряя, лъстя, грозя маня..
 Для чего игрой своей напрасной
 Мучаютъ они меня.
 Развѣ то, что сгублено, вернется?
 Развѣ встрѣчу, кого ужъ давно нѣтъ?
 Только сердце больно такъ забьется,
 Да въ груди раскаянье застонетъ.
 Вотъ онѣ, что мнѣ дарили ласки
 На летуче—тающіе миги..
 Въ эту ночь все это будто сказки,
 Прочтенныя въ наивной книгѣ.
 А тогда... Какъ это все манило,
 Волновало, жгло, какъ жаркій пламень..
 Но каминъ потухъ. Зола застыла.
 У окна захлопнуть ставень.

1916 г. 23 ноября.

СТЫНУЩІЕ УГЛИ.

Въ садахъ, гдѣ кудесныя руки
 Плетутъ изумрудныя косы,
 Въ садахъ, гдѣ каскадятся звуки,
 И въ утро кристаллятся росы,

Завяль весновѣстный подснѣжникъ,
 Зачахли нѣмотно фіалки,
 И въ полѣ стеблистый надмежникъ
 Уже залохматился жалко,
 А я, пригвожденный алканьемъ,
 Стою у заказанной двери
 И въ позднее наше свиданье,—
 Не знаю,—не вѣрю иль вѣрю.
 Криваятся угли заката,
 Дрожатъ золотыя одежды.
 Смотри: это греза распята.
 Смотри: это гаснуть надежды.
 Послушай въ лѣсу перезвоны.
 Дай вѣтру взметнуть твои вѣжды.
 Вѣдь это предсмертныя стоны
 Моей изъязвленной надежды.
 Вѣдь это ея тучи—скалы,
 Одѣтыя въ грузныя брони,
 Идущія въ небѣ устало,—
 Ея эти тучи хоронять.
 Смотри—вотъ холодныя струи
 Прольются. То тучи заплачуть.
 Прильни же къ нимъ, какъ къ поцѣлюю.
 Сплетися въ сплетеньи горячемъ.
 И капли холодныя—слезы.
 Холодныя слезы—рубины...
 Сбери ихъ, какъ нѣжныя розы,
 Какъ возлѣ окна георгины.
 Нижи ихъ на нити заката,
 Что зыбятся, блѣдно алѣя
 Украдь у весны ароматы

И сдѣлай вѣнокъ—ожерелье!
 И будетъ нетлѣнная память
 О томъ, что подъ тучами скрыто...
 И свѣтъ своихъ глазъ тебѣ дамъ я
 И воскрешу то, что забыто.
 Жестокая вьюга, ярися!
 Лютуйте сѣдыя мятели!
 А ты упоенно склонися
 Къ своей цвѣтовонной купели...
 Когда жъ загудитъ звонъ набата,
 Разверзнувъ зловѣщія сходни,
 И выгорятъ угли заката,
 То знай: се грядетъ день субботній.
 Въ рукахъ его посохъ горящій.
 Хитонъ шить слезами и кровью.
 Погаситъ онъ свѣтъ заходящій
 Надъ догорѣвшей любовью

1916 г., 16 апрѣля.

У М Е Р Л А О Н А .

К. Ш.

Надъ могилой вдвоемъ мы поплачемъ.
 Мы могилу слезами окропимъ,
 А минувшее въ морѣ горячемъ,
 Въ жуткомъ морѣ забвенья утопимъ.
 Пусть почиетъ спокойно. Миръ праху.
 Вѣкъ ея былъ прекрасенъ и длиненъ.
 Не рыдай. Пусть деревья—монахи
 Споютъ ночью надъ нею прокимень.

Мы могилу навѣки оставимъ.
И не будетъ на ней мавзолея.
Все сотрется. Лишь знакомъ кровавымъ
Начертится на сердцѣ аллея.

1916 г., 9 июня.

О С Е Н Ъ.

Золото сыплется съ сонно шуршащихъ
вѣтвей.
Мирна и благодна вдумчиво-кроткая про-
синь...
Жадно склонилась колдунья костлявая—
осень.
Грустно... И жалко безцѣльно истраченныхъ
дней.
Въ воздухѣ четкомъ трепещуть пушистыя
нити.
Къ югу спѣшать озабоченно дикія утки;
Голыя нивы глухія пустынны и жутки...
Нивы безгласныя и горемычныя, спите.
Около оконъ цвѣточки на стебляхъ изсу-
шенныхъ
Жалко-пугливо склоняются внизъ лепестками;
Смерть несвержимая хищно парить надъ
цвѣтами.
Жаль имъ о жизни разказовъ, еще не до-
слушанныхъ.
Кто-то бездомный, отъ радости свѣтлой от-
торгнутый,

Тихо роняетъ на землю созвучія скорбныя.
Льетъ на безбрежности слезы размѣренно-
дробныя
Кто-то въ суровую тогу вселѣнья завер-
нутый.

1914 г., ноябрь

МЕРТВЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Въ этотъ часъ, когда все безглагольно,
И зима колдуетъ, гаситъ кровь,
Тебѣ такъ легко и такъ не больно
Хоронить прошедшую любовь.
Выймешь писемъ пачку изъ шкатулки,
Взглянешь на одинъ какой конвертъ
И порвешь ихъ. А потомъ достанешь
И сожжешь мой простенькій портретъ.
А затѣмъ ты сядешь на кровати
И начнешь былое вспоминать:
Гдѣ, когда, какое было платье,
Что сказала, когда легла спать.
Но весна, весна... Но разорвутся
Цѣпи злой и мертвенной зимы,
И опять деревья разовьются
Надъ скамейкой, гдѣ сидѣли мы.
И опять въ сіяльномъ небосводѣ
То же солнце разошьетъ парчу
И освѣтитъ мѣсто, гдѣ клялась ты,
Прижимаясь къ моему плечу.
И опять забрезжатъ тѣ же ночи

И та самая кудесная луна,
 Тѣ же звѣзды, какъ глаза пророчьи,
 Тотъ же запахъ, та же тишина.
 Будетъ все опять глядѣть весенне—
 Солнце, звѣзды, небо и цвѣты,—
 Все, что дало намъ благословенье
 На союзъ извѣчный: я и ты.
 Какъ же ты на это мѣсто взглянешь,
 Какъ къ нему лицо ты повернешь?
 Вѣдь его ничѣмъ ты не обманешь,
 Вѣдь оно ужъ знаетъ твою ложь.
 Какъ пойдешь къ цвѣтамъ на это мѣсто?
 Какъ на нихъ поднимешь мертвый взглядъ?
 Вѣдь „тогда“ любовь... мечты... невѣста...
 А теперь... Не смѣй. Вернись назадъ!

1915 г., 13 декабря.

В Д Р У Г Ъ .

Въ безмолвную полночь, опутавшую міръ
 Сновѣйной пряжею невидимыхъ волоконъ,
 Я, бардъ, брильянтовыхъ миражей ювелиръ,
 Уныло проходилъ у твоихъ темныхъ оконъ.
 Неясный рядъ домовъ былъ призраченъ,
 какъ сонъ;
 Вверху блистало небо зоревымъ кіотомъ;
 Глухая улица дремала, какъ затеңь,
 Завороженный звѣздъ таинственнымъ поле-
 томъ.
 Огромный домъ глядѣлъ глазами слѣпыхъ
 рамъ,

Вливая контуръ стѣнъ въ просторъ ночныхъ
 безбрежій.
 Въ душѣ моей звучалъ хораллъ тревожныхъ
 гаммъ,
 Волнивыхъ гаммъ любви и грусти по тебѣ же.
 Причудливость тѣней, невѣрность перспек-
 тивъ,
 Пустынной улицы нѣмая лабиринтность—
 Я обнимаю все. Однажды полюбивъ,
 Я понялъ формъ и смысловъ огненную
 слитность.
 И вдругъ все это рокъ. И эти тишь и мракъ
 Для жизни будущей мнѣ злобно поберегъ
 онъ.
 И вдругъ вся жизнь моя пройдетъ вотъ
 такъ... вотъ такъ,
 Какъ я иду, одинъ, въ тиши, у темныхъ оконъ.

1916 г., декабрь.

В О З Ъ М И .

Еще не всѣ слова, еще не всѣ экстазы,
 Не всѣ еще восторги и захваты,
 Не всѣ стихиры у меня взяла ты:
 Въ твоей коронѣ нѣтъ еще алмаза.
 Такъ погоди жъ еще. Гляди, терзай и смѣйся.
 Копайся и ищи во мнѣ, какъ въ пепелищѣ...
 Бери—я все отдамъ и остануся нищимъ.
 Вотъ кровь моя! Возьми и сладостно упейся.
 Я такъ богатъ. Во мнѣ рубины и алмазы.

Моя душа въ браслетахъ изъ жемчужинъ.
Возьми. Я все отдамъ... Вѣдь я тебѣ не ну-
женъ.

Тебѣ нужны лишь блески и экстазы.

1916 г., 26 августа.

БУДТО ПЛАЧЕТЪ.

Какъ это было, я уже не помню.
Но сердце смутный слѣдъ отравы носить.
Такъ жалко прошлаго. Такъ тяжело мнѣ.
Зачѣмъ? Душа объ этомъ кого спросить!
Но сердце тягостную горечь носить.

Мнѣ чудятся званья чьихъ-то жалобъ.
Мнѣ кажется, что кто-то зло засмѣянь,
Что кто-то обездоленъ. Если знала бъ,
Что я въ плѣну раскаянія—змѣя!
Мнѣ кажется, что кто-то зло засмѣянь.

Какъ будто мы обидѣли ребенка,—
И вотъ онъ въ темной спальнѣ плачетъ, пла-
четъ...

Прошедшее поетъ намъ жалко—звонко.
Такъ больно. Все могло бы быть иначе.
Прошедшее какъ будто плачетъ, плачетъ.

1916 года, 11 июня.

ТВОРИМЫЙ ЛИКЪ.

Моя мечта, томимая обманами
И лживостью земныхъ суленій,
Укрывшись равнодушными туманами,

Возжаждала иныхъ селеній.
Извѣрившись въ мгновенныхъ утоленіяхъ,
Отвергла все житейскія дороги
И создала во имя всезабвенія
Волшебный ликъ плѣнительный и строгій.
И лишь земля обидными обманами
Замкнетъ мечту мою въ оковъ желѣзныхъ,
Всплываетъ надъ гнетущими туманами
Безгрѣшный ликъ плѣнительный и нѣжный.

1916 года, 23 ноября.

КРАСНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ.

Растутъ подъ окнами тюльпаны красные.
Тюльпаны красные цвѣтутъ торжественно.

Стыдливо-робкіе,
Но жадно—страстные,

Зачаты творческой любовью жертвенной,
Тюльпаны чудные цвѣтутъ торжественно.
Убора майскаго цвѣтное кружево,
Каменья—блесточки колье жемчужнаго,
Вы ароматите посулы вешніе;
И дышутъ тайны въ васъ, свѣтло—нездѣшнія,
Какъ вспыхи блесточекъ колье жемчужнаго.
Въ алканьѣ творчества землей рожденные,
Вы льете отвѣты надземныхъ тайностей.
И будто въ вѣнчикахъ горятъ бездонные
Глаза сверхчувственныхъ нѣмыхъ безкрайно-
стей.

Вамъ ясны тайнства надземныхъ тайностей.

Отъ солнца вышняго къ вамъ лученіе.
Вы съ нимъ сгирляндились въ единомъ слитіи.

Вы—брызги солнечной огнеспектральности.

Въ васъ всѣ сіяльности,

И всѣ кристалльности,

И музыкальности—

Въ единомъ слитіи.

Невинно—скромные,

Зовуще—властные,

Нарядно—яркіе,

Умильно—страстные,

У оконъ нѣжные тюльпаны красные,

Свѣтло—торжественные и прекрасные...

Растутъ подъ окнами тюльпаны красные.

1917 года, май.

ЛИСТЫ ОСЕННИЕ.

Листы осенніе, янтарно—блѣдные,

Такіе робкіе, такіе скромные,

Понуро—жалкіе и безотвѣтные

Съ вѣтвей летящіе листы бездомные.

Минула солнечность мечтой оплаканной.

Дни отошедшіе—закатъ темнѣющій.

И все,—какъ палевымъ лучомъ обласканный

Распльвно тающій день вечерѣющій.

Листы унылые поникше—сирые

И обреченные безкровно—жертвенно.

Покроетъ осень все своей порфирью.

И будетъ жутко такъ. И будетъ мертвенно.

Васъ примутъ пропасти глухой бездн-
ности.

Вы—въ цѣли тлѣнности одно созвѣніе.

Вы—жертвы кроткія всеобреченности,

Листы багряные, листы осенніе.

1915 г., 16 сентября.

БѢЛОЮ ДОРОГОЙ.

Бѣлый снѣгъ пушистый, чистый-чистый.

Дальній лѣсъ, какъ черное монисто.

Тонетъ путь въ дали бѣлесо-мглистой...

Бѣлый снѣгъ пушистый, чистый-чистый.

Ясенъ путь, а небо хмуро-хмуро.

Вдалекѣ темнѣетъ чья фигура?

Впереди ямщикъ сидитъ понуро...

Ясенъ путь, а небо хмуро-хмуро.

Кажется, съ земнымъ порвались нити.

Мысли безпокойныя, усните.

Лошади подальше унесите.

Кажется, съ земнымъ порвались нити.

Все волшебю. И не знаешь, гдѣ ты.

На какой невѣдомой планетѣ.

Въ головѣ слагаются сонеты.

Все волшебю. И не знаешь, гдѣ ты.

Тихо-тихо. Пусто. Бѣло-бѣло.
 Будто, и душа обиндевѣла.
 Потонуло въ невѣсомость тѣло.
 Тихо-тихо. Пусто. Бѣло-бѣло.

Кажется, что ѣдешь въ безконечность,
 И вокругъ колдующая млечность,
 Будетъ длиться, длиться вѣчно-вѣчно.
 Кажется, что ѣдешь въ безконечность.

1916 г., 21 ноября

ВЪ ЖАСМИННОЙ АЛЛЕѢ.

Въ жасминной аллеѣ кадила ажурныя,
 Струющія пряно нектары фимьямныя.
 Въ жасминной аллеѣ берсезы поктюрныя,
 Умильные, томныя, трепетогаммныя.

Въ жасминной аллеѣ неясныя шелесты..
 Тамъ кто-то вздыхаетъ и молится сла-
 достно.

Но какъ разгадаешь, что шепчуть душѣ
 листы!

Въ жасминной аллеѣ такъ тихо и благостно.

1916 г., 22 декабря.

ПРИЧУДЛИВЫЕ ЛИКИ.

Хрустальныхъ люстръ сіяльное сліянье.
 Лѣтний всплескъ усталого рояля.
 Ласкающій контрабльтѣ виолончели..
 Сцѣпленность плѣнныхъ взглядовъ и желаній.

Мѣнливая изломность линій зала.
 Причудливая многоликость цѣли.
 Блудливый блескъ улыбныхъ брилліантовъ
 Въ плѣну у тѣлѣ на стебляхъ бѣлыхъ паль-
 цевъ.

Волнливыхъ словъ летучая цѣлуйность...
 Приливовъ, взлетовъ, гибелей гирлянды.
 И блѣдныхъ мыслей, заклѣтыхъ скитальцевъ,
 Ползуче-золотая лучеструйность.

1916 г., 15 декабря.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Флаги, и ленты, и бантики красныя...
 Красныя, красныя, жданно-желанныя!
 Вейтесь, цвѣтите, какъ розы прекрасныя,
 Милыя, нѣжныя, благоуханныя..
 Флаги побѣдныя, красныя, красныя.

Солнце, вспожарься! Взметнися, вселенная!
 Время, застынь въ чародѣйномъ мгновеніи.
 Тише. Молитесь. Пусть благость священная
 Сладко нисходитъ изъ чашъ умиленія.
 Солнце, гори! Да ликуеть вселенная!

Братья, свершилось. Былому проклятіе!
 Новому свѣтлому гимны хваленія!
 Къ краснымъ знаменамъ, къ призывамъ, въ
 объятія

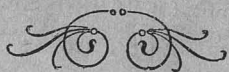
Бросимся въ эти святыя мгновенія!
 Слава свободѣ! Насилью-проклятіе!

Все,—словно сонъ. Словно сказка воздушная.
 Словно видѣнья летуче-неясныя...
 Но на душѣ что-то нѣжно-радужное;
 Но эти флаги, багровые, красные.
 Все,—словно сонъ... Словно сказка воздушная.

Красные флаги, вамъ пѣсни вѣчанныя,
 Грезы, молитвы и души согласныя...
 Флаги священные, жданно-желанныя,
 Красные, красные, красные, красные.
 Красные флаги, вамъ гимны вѣчанныя.

1916 г., 18 марта.

ММ 3771

Содержание.

	Стр.
Гимнъ свободѣ	3
Сирень цвѣтетъ	4
Въ золотистый день	4
Непостижимая	5
Лепестки	5
Сонетъ	6
Тебя—тебѣ	7
Храмъ	7
Церковь на окраинѣ	8
Почему—скажи	9
Безъ тебя	10
Вечерній часъ	11
Волшебной силой вдохновенья	12
Робкія строки	13
Интима	14
Фетишь	15
Голгофа	16
Весеннее отреченіе	16
Такъ будетъ	17
Защитнику страны	18
Съ Вами Богъ	19
Земная жизнь—томительн. вокзалъ	19
Творю любовью	21
Осанна	22
Когда нарциссы пахли	23
Ухожу	24
Занавѣси	24

	Стр.
Мы прощались	25
Приснилось	26
Воспоминанія напрасныя	26
Лики мимолетныя	27
Стынущіе угли	27
Умерла она	29
Осень	30
Мертвый взглядъ	31
Вдругъ	32
Возьми	33
Будто плачетъ	34
Творимый ликъ	34
Красныя тюльпаны	35
Листы осенніе	36
Бѣлою дорогой	37
Въ жасминой аллеѣ	38
Причудливыя лики	38
Красныя флаги	39